

К.А. Свасьян

Недержание лжи

*Заметки по поводу
брошюры диакона А. Кураева
«Миссионеры на школьном пороге»*

Г-н Андрей Кураев, бывший аспирант кафедры истории религии и атеизма МГУ и Института философии, а ныне (читатель не упустит случая полюбоваться мыльными пузырями, которые недавний аспирант выдувает из своего имени) декан философско-богословского факультета Российского Православного Университета, старший научный сотрудник кафедры религии (без атеизма!) МГУ, доцент Московского Педагогического Государственного Университета, кандидат философских наук, член экспертно-консультационного совета при Комитете по делам общественных организаций и религиозных объединений Государственной Думы Российской Федерации, диакон и даже — если это, конечно, не шутка аннотационного текста — «современный богослов», поставил себе задачу разделаться с антропософией и её основателем Рудольфом Штейнером. Что диакон Кураев страдает элифантиазисом тщеславия и дурного вкуса, в этом ни на минуту не усомнится никто из тех, кому доводилось дочитывать до конца его визитную карточку (см. выше); гораздо серьезнее и уже никак не сводимо к превратностям характера то, что он страдает также и недержанием лжи, используя, как видно, всякий случай предать её гласности. Если прибавить сюда еще и особо интенсивную примитивность ума и речи, то вопрос о столь успешном продвижении бывшего аспиранта кафедры атеизма по социальной лестнице можно будет считать вконец проясненным.

Всё это, впрочем, не заслуживало бы ровно никакого внимания, если бы перечисленные дефекты не касались вещей серьезных и ответственных. Можно, конечно, без усилий догадаться, какого сорта советы и консультации оглашаются в помещении экспертно-консультационного совета при названном выше Комитете, если уж его начальников угораздило пользоваться услугами г-на Кураева. Меня побудило взяться за перо и заняться нашим экспертом не то, что он лжет, а то, о чем он лжет. Остальное рассудит сам читатель.

Г-на Кураева беспокоит вальдорфская педагогика Рудольфа Штейнера и уже рикошетом от неё распространение антропософии в наконец-то раскрепощенном духовном пространстве России. Он жалуется на якобы правительственную поддержку антропософских начинаний в России и ратует за их запрет. Он, несомненно, знает, что антропософия однажды была уже запрещена в России большевистским правительством в 1923 году. Если нынешнее правительство не склонно хотя бы в этом пункте повторять политику большевистского, то нужно ли понимать пафос диакона Кураева в том смысле, что политика эта нынче унаследована... Православной церковью? В конце концов не как частное же лицо выступает диакон, а хотя бы как декан философско-богословского факультета Российского Православного Университета. Элементарная логика наводит меня на любопытный вывод: г-н Кураев поносил антропософию в свою атеистическую бытность, как он поносит её и теперь в свою, диаконскую бытность. Это значит, что он — по меньшей мере как антропософонеаистик — мог бы с одинаковым успехом возглавить и кафедру научного атеизма (не осени его, так сказать, прожектор перестройки).

Я вкратце воспроизведу ряд утверждений из главки *Вальдорфская педагогика* брошюры (1*) г-на Кураева. Я понимаю, что русского читателя нынешнего смутного времени трудно удивить какой-либо дичью и бессовестностью сверх тех, которые нынче со страшным свистом втягиваются в откупоренный вакуум российской духовности. Диакон Кураев, отхватив себе в послебольшевистском дележе ваучер духовно-ответственного, перечисляет сектантские напасти, терзающие православное тело России, и считает возможным, наряду со всякого рода муновцами и рериховцами, упомянуть и антропософию. Ему, как бывшему выученнику кафедры атеизма и духовной семинарии, следовало бы знать, какому историческому шаблону служит он в своих духосмесительных упражнениях. Знатные римляне периода распада Империи с ужасом взирали на бесчисленные секты, роившиеся в полуживом еще теле языческой религии; одной из таких сект виделось им и христианство, которое они не в силах были отличить от муновцев и рериховцев тогдашнего мутного оккультизма. Г-н Кураев поступит крайне опрометчиво, если ему вздумается отнести эту чисто формальную параллель на свой счет и полагать, что вот-де его уже сравнивают с Тацитом и Цельсом. Вся загвоздка в том, что поношение христианства язычниками Тацитом и Цельсом было их личной трагедией, тогда как поношение антропософии, которая сегодня является единственной формой сознания живого и вторично, но уже в нашем сознании воскресаемого Христа, христианским диаконом есть просто нелепость. Я намеренно отказываюсь от всякого дальнейшего разбора, так как тут, собственно, нечего и разбирать. Статейка г-на Кураева — это не просто ложь, а ложь неразбавленная. Вовсе не надо быть антропософом, а

надо просто освежить в памяти некоторые азбучные правила приличия, чтобы понять, что невежество дано человеку для того, чтобы он его одолевал либо, на худой конец, стыдливо скрывал, а не для того, скажем, чтобы он им кичился и консультировал других. «Современный богослов» Кураев не просто не понимает антропософию, он её не знает, не хочет знать или даже, позитивнее, хочет не знать. Не будь он при этом столь поразительно неодарен в умении кое-как справить свои мысли на бумаге, ему удалось бы, по меньшей мере, создать хотя бы видимость критики и разноса. Умные пасквилянты не потчуют читателя неразбавленными дозами лжи, а подносят её в ароматизированной возгонке через химикалии правдоподобности, чтобы случаем не долгаться до зеленого змия. Диакон Кураев, очевидно, придерживается иных вкусов и традиций.

Этот свой вкус он демонстрирует уже в выборе источников критики антропософии. Читатель тщетно стал бы искать среди последних хотя бы одной единственной ссылки на Р. Штейнера, её творца. Зато пробел этот заполнен письмами Елены Рерих, каким-то опусом её ученика, некоего А.Клизовского, резолюцией Международного христианского семинара (каковая резолюция, жаргон-то какой знакомый, «отметила антихристианский и расистский характер антропософии Р. Штейнера»), философом-марксистом Э. Блохом, голландским профессором Имельманом, протестантским автором Ф. Рестом, выдержками из «Философской энциклопедии» («из её лучшего, знаменитого „пятого“ тома», вспоминает с благодарностью бывший аспирант Института философии), «Теософским словарем» Блаватской и еще парой каких-то «экспертов» от педагогики. Единственный антропософский автор в этой далеко не безупречной компании, Франс Карлгрен, рекомендуется как «современный руководитель международного движения вальдорфской педагогики» (любо же диакону Кураеву иметь дело с начальством, но придется его разочаровать: международное движение вальдорфской педагогики не имеет никакого начальства, а школы управляются на местах учителями, родителями и — школьниками).

Со всей серьезностью напрашивается вопрос: что бы сказал г-н Кураев, если бы подобранная им для экспертизы антропософии вышеперечисленная команда переключилась вдруг на экспертизу Православия, отнюдь (как можно догадаться) не для того, чтобы проконсультировать измученных атеизмом граждан по части обретения себя в лоне Православной Церкви? Если тем не менее православный диакон считает, что можно вполне расправиться с антропософией теософским бредом Елены Рерих, в частности следующим отрывком из письма последней: «И Штейнер к концу жизни сошел с пути Света, и храм его был уничтожен разящим Лучом», то что же остается антропософам, как не раскосметизировать оккультный жаргон теософии и сообщить читателю, что «разящий Луч» был в действительности всего лишь... подоженной лучинкой иезуитов, которую они в новогоднюю ночь 1923 года спалили Гётеанум в Дорнахе! Что теософы и иезуиты готовы на любую антанту против антропософии, об этом с западных крыш свистят все воробьи. Угораздило же православного диакона так неуклюже выболтнуть тайны и своего двора!

Не легче, чем с теософкой Рерих, обстоят православные дела с марксистом Блохом. Блох, как и его идейный кореш Брехт (оба горьковские босяки на немецком дне), используется диаконом Кураевым против Штейнера с не меньшим рвением, чем ингредиенты черной магии каким-нибудь неудачником-колдуном. Чтобы православный читатель мог в полной мере ощутить всю нелепость этого трюка, пусть он постарается представить себе лик св. Сергия Радонежского в исполнении Кукрыниксы. Марксист Блох лжет, говоря, что «„Солнечный Христос“ Штейнера стал для новых язычников и „немецких христиан“ богом природы нордического фашизма», и вслед за ним лжет диакон Кураев, утверждая, что «Р. Штейнер еще в 1915 году писал о себе как о „пророке миссии Германской расы“». Он лжет не только вслед за Блохом, но и вместе с каким-то канадским Бержероном, говоря, что «Штейнер утверждал, что Христос не был распят», и дальше вслед за позорной статьей Ляликова из «знаменитого» пятого тома Философской энциклопедии, где антропософия шельмуется как «синкретическое соединение западных и восточных религиозно-оккультных учений». Чтобы читатель не ломал себе голову над тем, что сие означает, г-н Кураев берет на себя смелость сообщить нам нечто, о чем по неведению умалчивает даже «знаменитый» пятый том, именно, что человек-де, по Штейнеру, произошел от — осьминога. Я решительно воздерживаюсь от всякого комментария этой патологической «утки» с «осьминогом», полагая, что мы с г-ном Кураевым вполне обойдемся и «обезьяной».

После такого выверта клеветы нас не должно больше удивлять ничего, ни даже то, что у г-на Кураева серьезные проблемы не только с вкусом и совестью, но и с умением считать по пальцам. Умей он хотя бы это, он избежал бы следующего курьеза, против которого бессильна любая Энциклопедия и от которого защищаются именно сгибанием нужного количества пальцев: «Общим для всех теософов учением», читаем мы, является учение о «семи расах человечества, для которых XX век — это время, когда начинает рождаться самая высокая «шестая раса». Я переносую мысленно в школьную юность г-на Кураева, и мне слышится голос его терпеливой и доброй учительницы: «Ну что же ты это так, Андрюша! Ты, главное, не торопись, а пересчитай сначала...»

Антропософия — не секта, а духовная наука. В её истоках не ляликовский синкретизм и не Блаватская, а Гёте и уже через Гёте расширенное до духоведения естествознание. Христос

антропософии — не традиция, а настоящее, как *реальность* каждого переживаемого момента. Оттого Он действует не только в вере, но и в практике непосредственной жизни. Антропософия не проповедует Христа и не устраивает христианскую «*хату с краю*», где можно печься о спасении собственной души на фоне повального осатанения. Её христианство действительно не только в культовых отправлениях, но и в любой сфере социальной жизни: от медицины и сельского хозяйства до педагогики и искусства. Называть её антихристианством можно лишь с позиций цезаропапизма Великого Инквизитора, для которого лишь закопченный ладаном Христос заслуживает вида на христианскую прописку, отнюдь не живой Христос, который, реши Он стать современником, моментально оказался бы Сам в антихристианах.

Доступ к антропософии, как науке, требует ну хотя бы минимума совестливости и вменяемости. Что бы подумал о кандидате философских наук Кураеве математик, если бы на того напало вдруг выложить на стол свои экспертные соображения по высшей математике? Руководители обоих ведомств, консультируемых незадачливым «*современным богословом*», не откажут себе в необходимости внять следующей дружеской консультации, которую я формулирую на основании вышепроведенной экспертизы: «Эксперт и диакон Кураев своей „критикой“ антропософии позорит как Государственную Думу, так и Православную Церковь. Если Государственная Дума и Православная Церковь придают этому факту значение, то они сделают из него соответствующие выводы». Поскольку сия официальная концовка диктует свой стиль и жанр, я вынужден раскланяться и уйти по-парадному, почти на дурной манер г-на Кураева:

*Карен Свасьян, доктор, профессор и прочая...
лауреат и прочая, прочая...
антропософ.*

Базель 5 сентября 1995г.

P. S.

Я воспроизвожу здесь полный и неискаженный текст статьи, опубликованной в «Литературной газете» от 10 января 1996 года под придуманным редакцией заглавием «„Современный богослов“ с большевистскими манерами». Характерно, что уже через несколько дней в той же газете был напечатан негодующий ответ Ренаты Гальцевой с загадочным и мною так и не разгаданным заглавием: «Антропософией мобилизованный и призванный». Ответ не просто негодующий, а какой-то свирепый; мне трудно было отказать себе в удовольствии перечитать его вторично, а некоторые срывающиеся на фальцет места даже как бы услышать; когда потом пришлось всё же перейти к прозе и содержанию, мне вспомнилось в этой связи предупреждение старого немецкого критика при чтении первых страниц опуса одной пишущей дамы (я не называю её, чтобы не польстить Р. Гальцевой): если и дальше будет так, предупреждал критик, он перестанет обращаться с ней как с дамой и начнет обращаться с ней как с автором. Особенно располагало в пользу этого решения одно место. На мои слова, что диакон Кураев «не хочет знать или даже хочет не знать» антропософию, автор Гальцева среагировала неожиданным подъемом чувств: «Ах, как я понимаю диакона! И вправду, есть много вещей, которых лучше не знать. От знания вообще рождается большая печаль, а от некоторого — даже большая тоска, что-то вроде сухотки мозга». Этой фразе, мягко говоря, недостает обдуманности. Р. Гальцева, если я не ошибаюсь, философ: когда-то в блаженно-диссидентские, «*ляликовские*», времена даже с видами на элитарность. Что с ней случилось после перестройки, когда философия оказалась у недавних элитников чем-то вроде фантомного чувства, я не знаю. В процитированной фразе всё сразу становится на свои места, если её додумать, что значит, досказать: «Ах, как я понимаю диакона! И вправду, есть много вещей, которых лучше не знать, КОГДА О НИХ ПИШЕШЬ». Ну, с антропософией еще куда ни шло. Не знать антропософию и писать о ней — всё еще привычное дело. Оригинальнее обстоит дело с «*большой тоской*». Что у Р. Гальцевой от некоторого знания бывает большая тоска, это можно понять. Но есть ведь и знание, от которого рождается уже не тоска, а тревога. Скажем, если знать, что «*сухотка мозга*», к которой апеллирует переоценившая свои умственные возможности дама, по-ученому называется *tabes dorsalis*, а по-простому — сифилитическая сухотка.

Базель, 29 декабря 2005 г.

Примечания

1. Миссионеры на школьном пороге, М., 1995.